

Примечания

- ¹ См.: *Никитин С.А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970. С. 260–307.
- ² Там же; *Никитин С.А.* Россия и освобождение Болгарии // Вопросы истории. 1978. № 7; *Он же.* Русская политика на Балканах и начало Восточной войны // Вопросы истории. 1946. № 4; *Козьменко И.* Русское общество и апрельское болгарское восстание 1876 г. // Вопросы истории. 1947. № 5.
- ³ См.: *Кузьмичева Л.В.* Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 г. // Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981.
- ⁴ *Чернов С.Л.* Некоторые аспекты внешнеполитической программы России на заключительном этапе восточного кризиса 70-х гг. XIX в. // Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875–1878 гг. М., 1981. С. 216.
- ⁵ Там же. С. 20.
- ⁶ Цит. по: *Хвостов А.Н.* Русские и сербы в войну 1876 г. за независимость христиан. Письма. СПб., 1877. С. 9.
- ⁷ Цит. по: *Клеменц Д.А.* Из прошлого // Русские ведомости. 1910. № 232.
- ⁸ *Паленов В.Д.* Дневник русского добровольца // Пчела. 1877. Т. 3, № 9. С. 138.
- ⁹ *Драгоманов М.П.* Турки внутренние и внешние. Париж, 1902. С. 62.
- ¹⁰ В своих письмах о сербской войне 1876 г. историк Д.И. Иловайский отмечал: «Войну угнетенных славян с турецкой ордой я понимаю только как войну в высшей степени энергичную, войну беспощадную, без колебаний и усталости. А иначе не следовало совсем и начинать ее. Вот почему на русских патриотов производили и производят тяжелые впечатления и слухи о колебании в Белграде и постоянные переговоры о перемириях. Нельзя, впрочем, винить исключительно сербов, ввиду известий о том, что на них производят давление в этом смысле не одни враги славянства. Тол-

- ки о перемирии уже начали обнаруживать свои плоды. Вожди армии вместо того, чтобы всецело отдаться своим стратегическим боевым задачам, принуждены бороться с политикой колебаний и приостановок. Отсюда рождаются новые затруднения. Чтобы протестовать против всякой попытки заключения постыдного мира, армия выдвигает вопрос о королевском достоинстве» (*Иловайский Д.И.* Письма о сербско-турецкой войне // Иловайский Д.И. Мелкие сочинения, статьи и письма 1857–1887 гг. М., 1888. С. 234).
- ¹¹ См.: *Клисунов С.* Русские добровольцы в Сербской войне 1876 г. и взгляды консервативной мысли русского общества и развитие Восточного кризиса и роль России в его разрешении // <http://www.epistema.ucoz.ru>.
- ¹² *Козьменко И.* Указ. соч. С. 97.
- ¹³ *Богданович Л.А.* Два десятилетия Великой освободительной войны. М., 1902. С. 49.
- ¹⁴ *Дурново Н.Н.* К истории сербско-турецкой войны 1876 года // Исторический вестник. 1899. Т. 75, № 2. С. 531.
- ¹⁵ В своих воспоминаниях Н.Н. Дурново приводил высказывания самого генерала Черняева по вопросу поездки на Балканы: «С самого возвращения моего (имеется в виду Черняев. – С.К.) из Средней Азии я имел желание проехать по славянским землям, и не состоявшееся поездка моя в 1867 г. нисколько не ослабила этого желания. Теперь, когда на долю Сербии выпала трудная задача, от решения которой зависит дальнейшая историческая судьба княжества, поездка эта сделалась для меня нравственной потребностью» (*Дурново Н.Н.* Указ. соч. С. 535).
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См.: *Козьменко И.* Указ. соч. С. 97.
- ¹⁸ См.: *Кузьмичёва Л.В.* Указ. соч. С. 91.
- ¹⁹ *Мецкерский В.П.* Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 54.
- ²⁰ См.: *Кузьмичёва Л.В.* Указ. соч. С. 91.
- ²¹ Там же. С. 92.

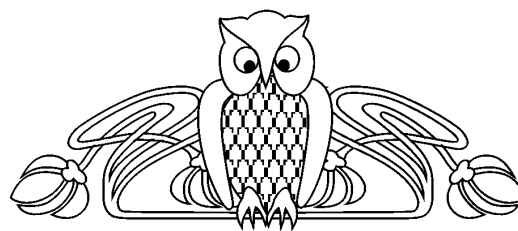
УДК 1(470):34+929[Толстой+Молочников]

ДЕЛО «ТОЛСТОВЦА» В.А. МОЛОЧНИКОВА (по материалам архивных документов Государственного музея Л.Н. Толстого)

Ю.В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье через призму судебных процессов рассматривается философско-религиозный феномен «толстовства», а также ситуация вокруг юридической ответственности Л.Н. Толстого и его последователей. В центре исследования – конфликт между личностью и властью, совестью и произволом, свободомыслием и официозом и, в частности, проблема распространения

толстовского учения и связанного с этим судебного преследования сторонников писателя. В статье рассмотрены меры, предпринятые Львом Толстым по организации правовой защиты попавшего на скамью подсудимых его единомышленника – В.А. Молочникова. Исследование всех перипетий судебных разбирательств проводится на основе анализа писем Молочникова, выявленных автором в отделе рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: «Толстовец», Молочников, Толстой, дело, защита, письмо.

Suit «tolstovtsa» V.A. Molochnikova (On Material Archive Document State Museum L.N. Tolstogo)

Yu.V. Varfolomeev

In article through prism of the lawsuits is considered philosophical-religious phenomenon «tolstovstva», as well as situation around legal responsibility L.N. Tolstogo and his followers. In the centre of the study – a conflict between personality and power, conscience and arbitrariness, free thought and semi-official publication, and, in particular, problem of the spreading tolstovskogo teachings and connected with this criminal prosecution supporter writer. In article are considered measures undertaken Livom Tolstym on organizations of legal protection defendant V.A. Molochnikova. The Study all vicissitudes judicial hearing is conducted on base of the analysis of the letters Molochnikova, revealed by author in division of the manuscripts State museum L.N. Tolstogo.

Key words: «Tolstovets», Molochnikov, Tolstoy, Suit, legal protection, letter.

Наблюдая за движением по распространению его учения, Л.Н. Толстой недвусмысленно заявлял: «Я Толстой, но не “толстолец”»¹, хотя никогда не дистанцировался от так называемых «толстовцев» и неизменно приходил им на помощь, и в первую очередь в случае их уголовного преследования. Известен случай, когда писатель, пытаясь защитить одного из своих последователей – Н.Е. Фельтена, даже обращался к судебному следователю, который вел это дело, с официальным заявлением об освобождении Фельтена от всякой ответственности и о возбуждении судебного преследования против него, Толстого, мотивируя это тем, что власти, организовав гонения на идеи, развиваемые им, Толстым, запрещая его книги и брошюры, должны прежде всего привлечь к ответственности его самого, как автора и распространителя этих идей и сочинений, а никак не третьих лиц².

Действительно, «Логика и закон требовали возбуждения дознания против самого Толстого и привлечения его, как главного виновника по настоящему делу, – констатировал жандармский офицер А.И. Спиридович, – но на Толстом был запрет, и его трогать было нельзя никому. Все мы в отделении слышали не раз, что существует Высочайшее повеление, дабы графа Льва Николаевича Толстого не трогать ни в коем случае. Лев Толстой находился под защитой Его Величества»³.

Ситуация вокруг юридической ответственности Толстого и «толстовцев» на самом деле складывалась парадоксальная. Но, «Правосудие, – восклицал адвокат и политик В.А. Маклаков, – должно быть равным для всех!.. И поэтому, пока государственная власть самого Толстого не привлекает к ответственности, она не имеет права карать тех, кто его учение повторяет. Отношение государства к Толстому понятно. Но из трогательного оно становится соблазнительным, если его будут вымещать сугубым преследованием тех, кто от Толстого научился; и самая безнаказанность

Толстого превратится в изощренное мучительство, если его заставлять смотреть, как, не касаясь его, поступают с его учениками»⁴. Эту же мысль несколько позднее подчеркивал и В.Д. Набоков: «за последние тридцать лет Толстой лишен был возможности на родине своей свободно и открыто проповедовать свое учение!.. преследования, которым подвергались ученики и последователи Толстого, были сугубой и сугубо-лицемерной жестокостью по отношению к нему самому...»⁵.

Обо всех единомышленниках, попавших в беду, Л.Н. Толстой принимался хлопотать, прося разъяснения или непосредственного участия в том или ином деле у многочисленных знакомых юристов, таких как: А.Ф. Кони, Н.В. Давыдов, М.А. Стахович, В.А. Маклаков, Н.К. Муравьев и др.

Пожалуй, самым известным по неоднократным судебным процессам в те годы стал многострадальный «толстолец» В.А. Молочников. Впервые он был привлечен к суду в 1908 г. «Опять схвачен в Новгороде всеми знающими его уважаемый небогатый человек Вл. Молочников и заперт людьми, называющими себя судьями, на год в тюрьму, – с негодованием писал в редакцию газеты “Русь” Лев Толстой. – И все это за то, что он держал у себя мои сочинения и давал их людям, желающим прочесть их»⁶.

С того момента, как Толстой узнал о привлечении Молочникова к суду, он сразу же стал хлопотать о его судьбе и первым делом написал письмо Н.В. Давыдову, приложив к нему обвинительный акт и письмо самого Молочникова. «Что мне делать? – обращался писатель с этим сакраментальным вопросом к юристу 11 апреля 1908 г. и делился с ним своими мыслями по этому поводу. – Мой план двоякий: или самому поехать в Петербург, вызваться быть защитником его или подать заявление, в котором выразить, что книги получены им от меня, что если кто виноват, то я, и если кого судить, то именно меня; <...> Как поступить в этом случае? Научите меня или составьте, если можно, такое заявление или посоветуйте ехать самому в Петербург и быть защитником»⁷.

Давыдов как опытный юрист, долгое время занимавший высокие судебские должности, отговорил Льва Николаевича от такого рода действий, понимая, что кроме скандального ажиотажа, связанного с именем Толстого, вокруг этого дела ничего не выйдет, и Молочников в любом случае будет осужден. В действительности так все и произошло. Узнав о драматичном исходе судебного процесса, 8 мая 1908 г. Лев Николаевич направил письмо Давыдову, в котором взволнованно сообщил ему об огорчившем его известии: Молочников присужден к заключению в крепости на год. «Не могу понять того, что делается в головах и, главное, в сердцах людей, занимающихся составлением таких приговоров, – искренне сокрушался писатель. – Жалею, что Вы отговорили меня от защиты. Я, разумеется, не защищал бы, а постарался

бы обратиться к голосу совести тех несчастных людей, которые делают такие дела»⁸.

Однако Толстой не терял надежды выжить из беды своего единомышленника и поинтересовался у Давыдова: «Можно ли что-нибудь сделать?»⁹. На что Николай Васильевич посоветовал писателю, что Молочникову следует предпринять все процессуальные меры, предусмотренные законом, а именно: обратиться с апелляцией на это судебное решение, и уже 13 мая Толстой пишет осужденному: «Вчера был у нас известный адвокат Муравьев¹⁰. Мы с ним говорили о вас, и он взялся сделать, что возможно. Он человек хороший, и смело обращайтесь к нему»¹¹.

Для присяжного поверенного Н.К. Муравьева исполнить просьбу Льва Николаевича было делом чести и совести, так как он был абсолютно уверен в правоте и писателя, и его последователей. Взявшись помочь осужденному «толстовцу», сразу же после встречи с писателем, адвокат направил Молочникову две доверенности, которые тот должен был заполнить на имя своих официальных представителей – Н.К. Муравьева и В.А. Маклакова.

24 мая 1908 г. Муравьев получил от Молочникова письмо, в котором тот излагал свой взгляд на эту проблему: «Лев Николаевич Толстой говорил и писал мне о Вас, как о добром и хорошем человеке, желающем принять участие в деле по оправданию меня перед судом, – обращался он адвокату. – Написанные Вами доверенности на имя Ваше и Маклакова я получил»¹². В письме Молочников также выражал искреннюю благодарность Муравьеву за «хлопоты и доброе расположение», и даже собирался лично поблагодарить его, но, будучи проездом в Москве, не застал Николая Константиновича дома. В то же время Владимир Аифалович извещал Муравьева, что «добрыми услугами» ни его, ни Маклакова он воспользоваться не может¹³.

Свое решение не апеллировать приговор суда в вышестоящей судебной инстанции – Сенате, о чем, кстати, он сообщил и Л.Н. Толстому, В.А. Молочников объяснял следующим образом: «Подать в Сенат, кроме того, что не имеет логического смысла – если бы в этом отношении я хотел пойти на компромисс, я мог бы это сделать в начале суда надо мною, – рассуждал он, – немножко не сознаться, немножко попросить и т.д. – не могу, еще повинуюсь непосредственному чувству, подсказывающему мне ненужность этого дела»¹⁴.

Эти слова убежденного «толстовца», безусловно, свидетельствовали о его непреклонной идейной позиции и следовании принципу «непротивления злу насилием». «Хочу, чтобы Вы верили моей искренности, – просил он Муравьева, – и не подумали, что рисуюсь или отказываюсь славы ради и т.п.»¹⁵. Даже знакомые Владимира Аифаловича осуждали и порицали его за отказ от защиты, но он своего решения не изменил. «Так поступить велит мне Бог, который в душе моей»¹⁶, – убежденно заявлял он. Несомненно, что в сво-

ей вере он всегда ощущал незримую поддержку своего кумира – Льва Толстого, который, приходя Молочникову на выручку в тяжелых испытаниях, желал ему: «Помогай Вам Бог оставаться в том же духовном состоянии, главное, прощать тех, кто Вас мучит»¹⁷.

Однако в отношении обреченности своего судебного дела Молочников был не прав. Таким высокопрофессиональным адвокатам, как Н.К. Муравьеву и В.А. Маклакову было вполне по силам добиться, если не оправдания «толстовца» по этому делу, то, во всяком случае, смягчения его участи. Подтверждением этого может служить другой судебный процесс над Молочниковым – в 1910 г., где они выступили его защитниками, и который закончился оправданием Владимира Аифаловича.

9 сентября 1910 г. в Новгороде на выездной сессии Петербургской судебной палаты под председательством Н.С. Крашенинникова слушалось дело «толстовца» В.А. Молочникова по обвинению его в том, что он «непублично» возбуждал нескольких лиц к отказу от военной службы, и в том, что он хранил у себя, в целях распространения, брошюры Л.Н. Толстого, «заведомо для него возбуждающие к неповиновению закону и ниспровержению существующего государственного строя»¹⁸.

И на этот раз Лев Толстой не остался безучастным к судьбе своего последователя и попросил Н.К. Муравьева и В.А. Маклакова взять на себя его защиту. «Одной из очередных защит, – вспоминал Николай Константинович, – принятой мною по желанию Л.Н. Толстого, была защита его единомышленника В.А. Молочникова, которую я провел в Новгороде вместе с Маклаковым, что было явной перегрузкой процесса защитой, настолько несложен был этот процесс»¹⁹.

В защитительной речи присяжный поверенный Муравьев, рассуждая по существу предъявленных Молочникову обвинений, утверждал, что в самом обсуждении в кругу единомышленников каких угодно вопросов нельзя усмотреть «пропаганды», даже если один из беседующих осведомленнее, начитаннее других. Адвокат высказал мнение о том, что прокурор, вторгаясь в тесный круг знакомых обвиняемого, явно смешивает преследование публичной пропаганды, по закону преступной и, безусловно, наказуемой, с распространением каких угодно учений непублично, что преследуется лишь тогда, когда пропаганда эта «не могла встретить надлежащего противодействия»²⁰.

Столь же нелогично, по мнению защитника, было бы рассматривать отказавшихся в силу убеждения от военной службы толстовцев за солдат, а письма их братьев по вере, ободряющие их и поддерживающие их душевную бодрость, – за акт возбуждения к отказу от несения службы. «И жестоки, и бесполезны законы, – резюмировал он, – которые направлены на борьбу с непреодолимым

стремлением лиц, единых по духу, и к общению, и к состраданию в минуты гонений»²¹.

Другой защитник Молочникова – В.А. Маклаков – в своей речи указал на искусственность улик, которыми доказывают, будто подсудимый преступным образом распространял учение Толстого, находился в провокационном противоречии с тем, что та же прокуратура не преследовала самого Льва Толстого, несмотря на его неоднократные о том просьбы.

В конечном итоге во многом благодаря сильной защитительной аргументации присяжных поверенных Муравьева и Маклакова Судебная палата оправдала «толстовца» Молочникова.

Буквально на следующий день, узнав из телеграммы защитников о благополучном исходе волновавшего его дела, Л.Н. Толстой пишет Муравьеву: «...очень благодарю вас, Николай Константинович, за участие в деле близкого мне человека. Мне кажется, что я уже надоел вам своими поручениями, что вы должны бы давно отказывать мне, а вместо этого вы все продолжаете делать мне доброе и приятное»²².

В одном великий писатель оказался не прав – он, конечно же, не «надоел своими поручениями» адвокату Муравьеву, который и после смерти Толстого продолжал «доброе и приятное» для Льва Николаевича дело – отстаивал в суде права его единомышленников.

В 1914 г. В.А. Молочников в очередной раз оказался перед царским судом за свои убеждения и проповедь учения Л.Н. Толстого. Памятуя о советах Льва Николаевича, он обратился к присяжному поверенному Муравьеву: «Могу ли я рассчитывать на Вашу защиту 24 ноября в Петроградской Судебной Палате? <...> осталась неделя, а во мне нет достаточно духовных сил, чтобы покориться большой воли, не предприняв меры к предотвращению предстоящих неприятностей. К тому же я не один – семья...»²³.

К сожалению, на этот раз Муравьев, связанный обязательствами защитника по другим процессам, не смог выкроить времени для приезда в Петроград по делу Молочникова. Он долго оттягивал ответ Владимиру Аифаловичу, принимая все усилия для того, чтобы приехать на защиту, но, все-таки 22 ноября 1914 г. вынужден был ему сообщить, что не может этого сделать. Вместе с тем он попросил принять на себя эту защиту известного столичного юриста М.Л. Гольдштейна – «великолепного адвоката, которому обращался несколько раз и Лев Николаевич, – писал он Молочникову. – Не сомневаюсь в его согласии. Известите меня о результатах»²⁴. Кроме того, он решил подстраховаться, и с такой же просьбой обратился еще к одному петроградскому адвокату – присяжному поверенному Н.И. Идельсону.

Однако расчет Муравьева на помощь этих опытных адвокатов провалился, как оказалось, по весьма пикантной причине – из-за специфики этого дела. «Присяжный поверенный Идельсон

откровенно сказал мне, – писал Молочников уже после процесса Муравьеву, – что как еврею ему неудобно выступать с разъяснениями Христианской религии – единственная основа для защиты – то же он сказал о Гольдштейне»²⁵. К тому же у Гольдштейна было назначено к слушанию еще одно дело в том же Департаменте Сената, но он, тем не менее, «оставался наблюдать ход моего дела»²⁶, – вспоминал Молочников. А защищал его «по назначению суда» адвокат А.А. Захарьин, который, как видно, ответственно и неравнодушно подошел к этой защите. «Он очень волновался и говорил очень горячо, – вспоминал Молочников, – заставил судей долго совещаться. А судьи... кормятся, им иначе нельзя...»²⁷, – сокрушенно подытожил Владимир Аифалович.

Итоги процесса обескуражили последователя Льва Толстого. «Холодные они в столице люди, – восклицал Молочников. – Говорить с ними как с холодной стеной. Мне почти стыдно, что защищался – этого не нужно было делать. Если уж не хватило мужества сказать им главное: мы так окружили себя стеной лицемерия, что тот у кого есть хоть капля человеческого достоинства должен заявить об этом. Вот какова должна быть моя защита. А я, чтобы спасти свою шкуру, все уверял, что не хотел оскорблять правительство и пр.»²⁸.

Хроника судебных дел Молочникова была бы неполной, если не сказать о последнем деле знаменитого «толстовца», хотя это была уже другая эпоха, другая страна. В 1927 г. советскими органами в Новгороде было возбуждено дело против владельца слесарной мастерской В.А. Молочникова, обвинявшегося в «присвоении государственного имущества». Одновременно с этим рассматривалось дело «о национализации завода В.А. Молочникова в г. Новгороде»²⁹. Защитником теперь уже «буржуя» Молочникова выступил мэтр досоветской присяжной адвокатуры Н.К. Муравьев. Однако исход этих дел советским «правосудием» был заранее предрешен, даже несмотря на все усилия выдающегося адвоката.

Время и люди сотворили печальную и несправедливую метаморфозу с убежденным «толстовцем» В.А. Молочниковым. Человек, который всю жизнь с отчаянным самопожертвованием боролся с произволом и лицемерием царских властей, отстаивал христианские заповеди и учение Льва Толстого, этот, по словам великого писателя, «уважаемый небогатый человек», стал для большевиков в одночасье «классово чуждым элементом». Такие разные дела «толстовца» Молочникова, но во всех них просматривается один и тот же конфликт: противоречия между личностью и властью, совестью и произволом, свободомыслием и официозностью.

Примечания

¹ Цит. по: Пругавин А.С. О Льве Толстом и о толстовцах. Очерки, воспоминания, материалы. М., 1911. С. 227.

- 2 Пругавин А.С. Указ. соч. С. 298–299.
- 3 Спиридович А.И. При царском режиме // Архив русской революции: В 22 т. М., 1993. Т. 15. С. 131.
- 4 Право. 1910. № 37. Стб. 2242.
- 5 Набоков В.Д. Лев Николаевич Толстой // Право. 1910. № 46. Стб. 2749.
- 6 Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Юбилейное. Т. 78. М., 1956. С. 142.
- 7 Там же. С. 121.
- 8 Там же. С. 132.
- 9 Там же.
- 10 Муравьев Николай Константинович (1870–1936) – присяжный поверенный. Один из организаторов и участников первой группы политической защиты «московская пятерка» в составе: В.А. Маклаков, Н.П. Малянтович, Н.В. Тесленко и М.Ф. Ходасевич. С 1898 по 1917 г. – лидер неформального объединения политических защитников «Молодая адвокатура». С марта 1917 г. по февраль 1918 г. – председатель Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Составитель духовного завещания Л.Н. Толстого. С 1928 по 1936 г. – член Комитета по исполнению воли Л.Н. Толстого в отношении его писаний.
- 11 Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 78. С. 140.
- 12 Отдел рукописей Государственного узея Л.Н. Толстого (далее – ОР ГМТ). Ф. 30. Короб 1. Д. 12. Папка 3. Л. 1.
- 13 Там же.
- 14 Там же. Л. 1об-2.
- 15 Там же. Л. 2.
- 16 Там же.
- 17 Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 78. С. 140.
- 18 Право. 1910. № 37. Стб. 2241–2243.
- 19 Муравьев Н.К. Автобиографическая заметка. Ч. 1 // «Стой в завете своем...». Николай Константинович Муравьев: Адвокат и общественный деятель. Воспоминания, документы, материалы. М., 2004. С. 19.
- 20 Право. 1910. № 37. Стб. 2242.
- 21 Там же.
- 22 Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 82. С. 148.
- 23 ОР ГМТ. Ф. 30. Короб 1. Д. 10. Папка 1. Л. 1.
- 24 Там же.
- 25 Там же. Л. 2.
- 26 Там же. Л. 2об.
- 27 Там же.
- 28 Там же.
- 29 ГА РФ. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 284–287.

УДК: 373.3 (470.44–25) (09) «1871/1917»

ГОРОДСКАЯ ДУМА И РАЗВИТИЕ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В САРАТОВЕ В 1871–1917 ГОДАХ

М.В. Зайцев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: ZaytsevMV@info.sgu.ru

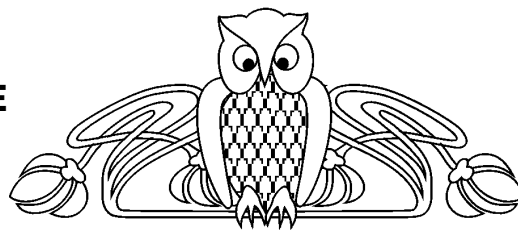
Исследование посвящено развитию муниципальной системы начального образования в Саратове в 1871–1917 гг. Автор приводит данные о численности городских начальных школ, количестве учеников, школьных помещениях, составе учительского персонала и т.д. Также в статье рассматривается деятельность Саратовской городской думы и некоторых ее членов в сфере начального образования.

Ключевые слова: городское самоуправление, Саратовская городская дума, история образования, история начальных учебных заведений Саратова.

City Duma and Development of an Elementary Education in Saratov per 1871–1917

M.V. Zaytsev

Research is devoted to development of municipal system of an elementary education in Saratov per 1871–1917. The author cites data about number of city elementary schools, quantity of pupils, school premises, structure of the teacher's personnel, etc. Also in clause activity of the Saratov city дума and also its some members, in sphere of an elementary education is considered.

Key words: city self-management, the Saratov municipal дума, history of education, history of elementary schools in Saratov.

Функционирование системы образования является одним из важнейших факторов в истории любого общества. Количество, качество и доступность образовательных учреждений во многом определяют уровень развития нации, ее интеллектуальный и культурный потенциал, политическую и экономическую конкурентоспособность на мировой арене. Поэтому изучение динамики образовательной сферы остается одним из актуальнейших разделов отечественной истории, в котором, правда, еще существуют малоизученные вопросы. В частности, специалистами пока проведено не так много исследований, посвященных развитию образования в отдельно взятых регионах и населенных пунктах, хотя такие работы могут дать очень ценный материал для дополнения и уточнения макроисторических изысканий.

Данная статья посвящена изучению основных тенденций в развитии начального образо-